

ственного воспроизводства, связанные с эволюцией форм феодальной ренты. Для первой стадии, в условиях преобладания отработочной ренты, по мнению автора, была характерна пониженная рождаемость и смертность; для второй, в условиях преобладания ренты продуктами, — повышенные рождаемость и смертность, для третьей, в условиях денежной ренты, — повышенная рождаемость и пониженная смертность (стр. 178). Отличительной чертой роста населения всей феодальной эпохи является, по его мнению, значительно более высокая рождаемость по сравнению с рабовладельческой, а тем более первобытной эпохой. Объясняя причины этого явления, М. С. Авербух пишет: «Объективная необходимость высокой рождаемости превращалась в действительность потому, что в отличие от рабовладельческого общества, в котором раб не мог и не был заинтересован обзаводиться семьей, феодальные производственные отношения по существу благоприятствовали высокой брачности и вызывали непосредственную заинтересованность иметь как можно больше детей. Расходы на содержание детей в эпоху феодализма были небольшие. В основном они сводились к расходам на питание и совершенно незначительным затратам на одежду. Уже с 6—8 лет дети и подростки начинали участвовать в процессе производства материальных благ» (стр. 121).

Погрешности всех этих центральных для данной главы положений достаточно очевидны. Между экономическими отношениями людей, например формой феодальной ренты и типами естественного воспроизводства населения, особенно рождаемостью, нет прямой связи. Ошибочность взгляда на детопроизводство как на лучшую возможность для крепостной брачной пары повысить свое благосостояние путем использования труда своих малолетних детей достаточно очевидна. Высокая рождаемость населения в ту эпоху объясняется, конечно, не этими надуманными мотивами, а преобладанием ранних браков, незначительным распространением предохранительных средств и аборт, решительно осуждавшихся всеми церквями, которые играли в феодальную эпоху особо видную роль; немаловажное значение в этом отношении имели и сохранившиеся традиции многодетности, которые поддерживались патриархальным укладом жизни, а нередко и культом предков. К сожалению, все эти действительно важные причины оставлены автором без внимания.

Таким образом, попытка автора связать уровень рождаемости с особенностями процесса общественного производства каждой из докапиталистических общественно-экономических формаций не удалась; позиция автора была бы менее уязвимой, если бы он сделал акцент не на рождаемость, а на смертность, которая действительно обнаруживает связь с уровнем материального производства, хотя и в этом случае вывод общих демографических законов народонаселения остается проблематичным. Эти разделы могут быть использованы главным образом как интересные сводки историко-демографических материалов, однако и в этом случае следует обращать внимание на их неполноту и некоторую односторонность. Другие разделы работы, в частности разделы по миграциям населения, носят преимущественно описательный характер; они менее уязвимы в методологическом отношении и, хотя менее определяют научную значимость книги, все же представляют большой интерес. В заключение можно только пожелать демографам, историкам, этнографам и другим специалистам дальнейшее исследование этой начатой М. С. Авербухом действительно важной темы, имеющей большое значение не только для изучения истории докапиталистических формаций, но и для познания важнейших современных проблем народонаселения в странах, еще сохраняющих многие элементы этих формаций.

В. И. Козлов

Разложение родового строя и формирование классового общества. Под редакцией А. И. Першица. М., 1968. 355 стр.

Вопросы, связанные с разложением первобытнообщинного строя и становлением классового общества, продолжают оставаться актуальными для исторической науки и ее различных дисциплин. Многие из них, например, такие, как проблема ранних форм эксплуатации, соотношение социальной дифференциации и имущественного неравенства в разлагающихся первобытных обществах, пути и этапы разложения первобытной общины, характер раннеклассовых обществ и многие другие являются дискуссионными среди ученых марксистского направления и, учитывая всю их сложность и ограниченность имеющегося материала, вероятно, еще долго будут оставаться таковыми.

Поэтому можно только приветствовать выход в свет сборника, специально посвященного этим проблемам. Особенно приятно, что тем самым продолжается традиция

издания Институтом этнографии АН СССР материалов и исследований по истории первобытного общества¹.

Рецензируемый сборник состоит из шести статей, написанных различными авторами, взгляды которых не всегда схожи. Это делает его еще более интересным.

Работа Ю. П. Аверкиевой «Род и община у алгонкинов и атапасков американского Севера» и по объему, и по полноте собранного и использованного фактического материала, и по значимости и актуальности самой темы является скорее не статьей, а монографическим исследованием. В ней разбирается большая и важная проблема о характере родового строя у названных групп индейцев и его разложения, вследствие перехода их к промыслу товарной пушнины в условиях капитализма. При этом тщательно прослеживается история каждой группы племен от начала колониального периода до наших дней.

В результате автору удалось показать ошибочность взглядов тех американских и канадских исследователей, которые считают изначально существующими социальные отношения, возникшие у индейцев после соприкосновения их с капиталистическим обществом, и с этой точки зрения ее работа имеет не только познавательное, но и большое теоретическое значение.

Ю. П. Аверкиева выявляет и прослеживает смену материнско-родовых отношений у северных алгонкинов и атапасков непосредственно сельской общиной, без перехода к отцовскому роду. Тщательно прослеживается история торговых сношений индейцев с европейцами, что необходимо для правильного понимания первоначального разложения у них традиционной экономики и общественных институтов. Меньше места, чем хотелось бы, уделено их первоначальной племенной организации, однако это, вероятно, связано с характером использованного материала.

Для историка первобытного общества очень важны приводимые автором сведения о потлаче, «празднике мертвых», кажимах, тайных обществах и т. п. у описываемых групп индейцев. Еще больший интерес представляют сведения, сообщаемые о различных видах соседской общины, в том числе ранней, сочетающей связи по родству и соседству. Последнюю некоторые советские исследователи склонны выделять в самостоятельный тип, называя ее то семейно-гентильной, то семейно-родовой, то соседско-большесемейной. Данные, собранные Ю. П. Аверкиевой, дают дополнительный материал для дискуссии.

В статье Л. А. Файнберга «Первобытнообщинные отношения и их разложение у полярных эскимосов Гренландии» дается детальное описание этой изолированной группы самых северных коренных обитателей земного шара, представляющих немалый интерес для этнографа. Интерес этот вызывается тем, что до самого рубежа XX века они продолжали жить первобытнообщинным строем — этот вывод автора представляется вполне убедительным, — но родовые отношения у них, как и у других групп эскимосов, разложились. Значительный интерес представляет трактовка Л. А. Файнбергом стойбища полярных эскимосов, как такой первобытной общины, «в которой тесно переплетались связи по родству и по соседству» (стр. 177).

Это поднимает целый ряд еще не решенных теоретических вопросов. Принято считать, что утрата экзогамии и переход к рано развившимся соседским отношениям является одним из путей разложения первобытного общества. Это, пожалуй, верно относительно полинезийцев, но как быть с эскимосами, особенно теми, которых описал Л. А. Файнберг, или с индейцами Амазонки? Нельзя ли предположить, что в особых случаях (расселение, неблагоприятные географические условия и т. д.) род мог разлагаться, но первобытные коллективистские отношения сохранялись.

Очень интересны также приводимые автором сведения о разложении первобытного коллективизма у полярных эскимосов в XX в., в частности о роли, которую сыграло в этом неравенство во владении европейскими орудиями. В описании контактов полярных эскимосов с капиталистической цивилизацией автор строго следует фактам, не ограничиваясь общими рассуждениями.

Несомненно, большой интерес вызовет статья М. В. Крюкова «Социальная дифференциация в древнем Китае (Опыт сравнительно-исторической характеристики)», хотя в значительной мере она повторяет другие работы автора, в том числе соответствующие разделы монографии «Формы социальной организации древних китайцев» (М., 1967). Широкое использование в ней древнекитайских источников и китайской исторической литературы, малодоступных для неспециалиста, делает ее особенно привлекательной.

По мнению автора, в чжоуском Китае существовала иерархическая структура социальных рангов, определяемая отношениями генеалогического родства и в свою очередь определяющая имущественное и социальное положение индивида. Само чжоуское общество, а также и ряд аналогичных им, он рассматривает «как этап

¹ Ранее вышли: «Родовое общество», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XIV, М., 1951; «Проблемы истории первобытного общества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. LIV, М.—Л., 1960. См. также «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии», Л., 1967.

перехода от первичной, доклассовой формации ко вторичной, классовой, охватывающей несколько исторически последовательных антагонистических способов производства» (стр. 249). Тем самым М. В. Крюков примыкает к сторонникам той точки зрения, по которой эпоха превращения родового общества в классовое представляет не заключительный этап первобытнообщинного строя, а особый исторический период, не принадлежащий ни к первобытному, ни к классовому обществу.

Мне представляется более убедительной широко принятая точка зрения, рассматривающая эпоху разложения первобытного коллективизма, которую, вероятно, лучше всего именовать эпохой классовобразования, как последний, заключительный, но вместе с тем органический этап истории первобытного общества. Как справедливо отмечается в опубликованной в этом же сборнике статье А. И. Першица, любое переходное общество всегда многоукладно, но один из укладов обязательно преобладает, и, в зависимости от этого, мы можем считать такое общество или разлагающимся первобытным, или классовым. Другое дело, что определить ведущий уклад в данном конкретном обществе зачастую бывает не легко.

М. В. Крюков убедительно показал специфические черты чжоуского общества. Но из того, что ранги и сословия не всегда совпадают с классами, еще не вытекает, что последних не было вовсе. Ведь сам М. В. Крюков неоднократно отмечает, что старший сын всегда наследует положение отца, а следовательно, и его права на долю прибавочного продукта. Принцип первородства встречается и в рабовладельческих и в феодальных обществах. Разумеется, классы в эпоху Чжоу предстают еще не окончательно сформировавшимися, но вряд ли можно говорить об их полном отсутствии. В связи с этим жаль, что полностью обойден вопрос о политической организации Чжоу.

В статье Ю. И. Семенова «Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации» развиваются уже ранее высказанные автором взгляды о существовании в формирующихся классовых и раннеклассовых обществах особой, не сводящейся ни к рабству, ни к феодализму, ни к наемному труду формы эксплуатации — кабалной, которая представляет собой органическое слияние экономической и личной зависимости человека, работающего в собственном хозяйстве эксплуататора. В защиту своих положений автор приводит большой фактический материал из истории раннеклассовых обществ или обществ, находящихся в процессе классовобразования. Однако трактовка этого материала представляется не всегда убедительной.

Малоубедительно, например, объяснение колоната как такой разновидности кабалы, при которой «самостоятельное хозяйство» колона является лишь «технической ячейкой хозяйства эксплуататора». Польские и южнорусские помещики зачастую сами вели крупную экспортную торговлю хлебом. При этом отмечены такие крайние формы феодальной эксплуатации, как месячина, когда крепостного лишили собственного хозяйства и заставляли работать на помещицею за натуральный паек. И все же мы говорим, и справедливо, об одной из форм феодальной, а не кабалной эксплуатации.

Главным недостатком аргументации автора, на мой взгляд, является то, что она носит скорее формально-юридический, чем сравнительно-исторический характер. До тех пор, пока мы не получим четкого ответа, когда и при каких обстоятельствах в недрах разлагающегося первобытнообщинного строя возникает кабала и какие факторы способствуют ее сохранению или, наоборот, исчезновению, вряд ли его взгляды встретят широкую поддержку.

Однако сделанные замечания ни в коей мере не могут умалять заслуги Ю. И. Семенова, смело ставящего спорные и нерешенные проблемы, и тем самым дающего толчок дискуссии, которая может оказаться весьма полезной.

Перу Т. Д. Златковской, уже давно и плодотворно исследующей историю древней Фракии, принадлежит статья «Проблемы становления государственной власти у южнофракийских племен». Для решения этой проблемы привлечен весьма необычный материал — нумизматический, обработка которого проведена автором с большой тщательностью, а сделанные на его основании выводы вполне убедительны. Любопытная особенность южнофракийских племен — появление монетной чеканки еще до возникновения государства, очевидно, в результате тесных контактов, в частности торговли, с греческими полисами. Поэтому статья вводит в научный оборот интересный материал, ярко иллюстрирующий влияние классowego общества на первобытную периферию.

Не вызывает возражений и конечный вывод автора о том, что становление классowego общества во Фракии обладало целым рядом особенностей и привело к тому, что басилевс, первоначально бывший племенным вождем, постепенно становился царем, сосредоточивавшим в своих руках всю полноту власти.

Некоторые сомнения вызывает только слишком прямолинейное отношение к гомеровскому эпосу, как к историческому источнику (за исключением «Долонии» — ее анализ возражений не вызывает). В последнее время все больше сторонников приобретает та точка зрения, по которой эпос сложился в основном еще в ахейское время. Это означает, что действительные социальные отношения подверглись в нем значительной архаизации и идеализации. Поэтому реконструировать их по данным Гомера

следует не с меньшей осторожностью, чем общественный строй Киевской Руси по данным былин владимирского цикла.

В нашей литературе довольно часты ссылки на туарегов. Особый интерес вызывает их общественный строй и материнский счет родства. Между тем, ни одной работы, специально посвященной этим кочевникам в советской этнографической литературе до сих пор не было. Статья А. И. Першица «Общественный строй туарегов Сахары в XIX веке», в которой дается детальная характеристика одной из наименее изученных групп туарегов, частично восполняет этот пробел.

Автор приходит к выводу, что туареги Сахары представляли собой в XIX веке раннеклассовое многоукладное общество, в котором ведущими были формирующиеся феодальные отношения. А. И. Першиц считает, что при сильно развитом рабовладельческом укладе преобладающими все же были феодальные отношения, и его аргументация кажется вполне убедительной. Очень интересна гипотеза о связи сословного деления туарегского общества с последствиями хозяйственной специализации различных групп кочевников. Жаль только, что мало затронут вопрос о причинах крайней неразвитости политической организации туарегов, хотя можно согласиться с автором, что она представляла собой государство, но в самой неразвитой форме. Туарегский материал позволяет поставить вопрос, не является ли существование в обществе сильной сословно-кастовой стратификации тормозящим фактором в оформлении государственных институтов.

Наряду с туарегами, примером такого запаздывания могли бы служить микронезийцы и народность ишзу в Китае.

Хочется также обратить внимание на весьма оригинальное объяснение причин туарегского матриархата, столь необычного для кочевников. А. И. Першиц допускает возможность, что позднематриархальные отношения туарегов не были естественным продуктом развития кочевого общества, а сложились в среде оседлого населения, впоследствии перешедшего к номадизму. При нынешнем уровне наших знаний это представляется весьма убедительным, более того, открывает возможность объяснить матриархат, в виде исключения встречающийся и у других кочевых народов. Как известно, исторические сарматы, у которых позднематриархальные отношения засвидетельствованы письменными источниками и данными археологии, по современным воззрениям происходят от оседлых земледельцев-скотоводов андроновской и срубной культур.

В заключение принято давать общую оценку. Уже из рассмотрения отдельных статей сборника явствует, что она может быть только самой высокой. Все статьи являются ценными в научном отношении, вводят в оборот большой фактический материал, смело ставят новые проблемы, и по-новому подходят к старым, зачастую казалось бы уже решенным. Сборник в целом, безусловно, окажется полезным не одним историкам первобытного общества, а представителям самых различных гуманитарных дисциплин. Хотелось бы только, чтобы следующего подобного издания Института этнографии не пришлось ждать так долго.

А. М. Хазанов

НАРОДЫ СССР

Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967, 356 стр.

Этнографическая наука обогатилась новым ценным исследованием, посвященным истории, быту и культуре населения Кубани. Кубань — пестрый в этническом отношении район. Здесь живут потомки русских и украинских казаков, поселенных царским правительством в конце XVIII — начале XIX в. для охраны вновь присоединенных к России земель, беглых и вольных крестьян, приходивших сюда на всем протяжении XIX в. из различных областей России и образовавших на Кубани особую социальную группу «пигородных». В советские годы в состав жителей Кубани влились переселенцы с Урала, северных, центральных и южных областей Европейской части РСФСР и Украины. Разнородность национального, сословного и классового состава населения способствовала формированию на Кубани культурно-бытовых особенностей, характерных для различных этнических групп. Традиционный уклад кубанского казачества и других групп населения устойчиво сохранялся вплоть до установления на Кубани Советской власти.

Специальных работ по этнографии Кубани по существу нет. Рецензируемая монография является первым обобщающим трудом, дающим весьма полную характеристику культуры и быта населения кубанских станиц. В ее создании принял участие коллектив ученых Москвы и Краснодара. Книга написана на основе многолетних этнографи-